

О Т З Ы В

на диссертацию Е.Л.Скворцовой

«Культурная традиция и философско-эстетическая

мысль в Японии XX века»,

представленную на соискание ученой степени

доктора философских наук по специальности 09.00.04 – эстетика

Проблема национально-культурной идентификации ~~ни~~когда еще не стояла так остро, как в наше время постмодернистской глобализации. Для Японии же культурный диалог с зарубежьем имеет вдобавок свои специфические сложности.

Почти все недоразумения, связанные с неадекватной оценкой различных явлений японской культуры, оценкой как неоправданно завышенной, так и заниженной, как дилетантской, так – увы! – и профессиональной, чаще всего проистекают из непонимания глубоко синкретического характера японского мировосприятия. Цельный мифо-образ реальности, судя по многим косвенным признакам, и сегодня еще жив в японском подсознании. И он в значительной степени определяет японские гносеологические стратегии, с их опорой на синергию пяти основных чувств, отсутствием личностной доминанты в восприятии, предпочтением практического опыта теоретизированию.

Как и многим коллегам, мне приходилось не раз сталкиваться с серьезными трудностями, всякий раз возникающими при попытке вербальной передачи особенностей японской ментальности, определяющих и своеобразие национальной эстетики, в частности, при постановке курса японской литературы средних веков для студентов МГУ. Еще в 80-е годы я

обратил внимание на некоторые публикации Е.Л.Скворцовой, подсказавшие мне направление, в котором следует двигаться для разрешения этой проблемы. С тех пор я внимательно следил за появлением новых исследований данного автора, всякий раз находя в них для себя много интересного и полезного. Не представляет исключения и настоящая диссертация, в которой многие тезисы автора получили наиболее полное развитие. В особенности важным представляется указание на «динамический телесный аспект разума», который по-другому можно было бы назвать «базисно-сенсуальным» и который лежит в основе практически всех представлений японской имплицитной эстетики. О невнимании к данному аспекту как у многих западных исследователей, так и у некоторых японских, свидетельствует разноречивость оценок, даваемых одним и тем же явлениям японской культуры. Так, например, в данном Кобатой Дзюндзо определении чайного ритуала как «квази-искусства» (дзюн гэйдзюцу) и одновременно «искусства взыскания Пути» (гудо-гэйдзюцу) противоречия не больше, чем в утверждении Масаоки Сики о поэтической «недостаточности» великого Басё. Для поэта начала XX века Басё предстает не столько художником слова, сколько искателем духовной Истины (фуга-но макото), что выводит его из чисто эстетической сферы, делая классическим приверженцем японской «калокагатии», как Сайгё, или Рикю. И три «низших чувства» (вкус, обоняние, осязание) неотъемлемо присутствуют в восприятии японского идеала вовсе не из-за пан-эстетской природы последнего, но вследствие невыделенности эстетического начала из общей картины мира. Можно предположить, что предпочтение слуха и зрения в классических искусствах Запада определяется доминантой Логоса в его устной и письменной ипостасях. Гегелевская же триада токийского эстетика Ёсиды Ёсинори «*аварэ-югэн-саби*» имеет определенный смысл как переход из субъективно-сенсуальной сферы в состояние безличной отрешенности, а затем возврат в субъектность, но уже с новым качеством, однако следует заметить, что *югэн* – не столько антитеза *аварэ*, сколько последняя степень сенсуальной утонченности, доведенной до нуля, что весьма отлично от характерной для Запада напряженной дуальности сознания.

Последняя глава диссертации вполне логично посвящена анализу новой аксиологии Имамита Томонобу, хотя все основные подходы современной японской эстетики были намечены уже в начале XX века Нисидой Китаро. Именно он указал на тот факт, что в японской традиции художественная

сущность полностью и без искажения выявляется в *процессе*, а не в результате творчества, когда творец еще не отделен от своего предмета.

Думается, что необычайно богатая ценными наблюдениями работа Е.Л.Скворцовой заслуживает несколько более развернутого Заключения, в котором были бы намечены пути дальнейших исследований затронутой области. При издании книги (на что хотелось бы рассчитывать) текст может быть значительно обогащен примерами из классического японского искусства. Следует, конечно, устранить немногочисленные неточности в оформлении, как, например, на стр.14 автореферата, где лишь имя Нидзё Ёсимото представлено в европейской последовательности: «Ёсимото Нидзё».

В целом же диссертация являет собой фундаментальный научный труд и новую веху в истории отечественного японоведения. Реферат емко и полно отражает содержание диссертации, автор же достоин присвоения ученой степени доктора философских наук.

19.09.2014

Доцент кафедры японской филологии

Института стран Азии и Африки МГУ

К.ф.н. Мазурик В.П.

*Подпись руки Мазурика В.П.,
удостоверяю.*

Зав. канцелярией ИАА Судалова

СВЕДЕНИЯ О РЕЦЕНЗЕНТЕ:

МАЗУРИК ВИКТОР ПЕТРОВИЧ – кандидат филологических наук,
доцент кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Проживает по адресу: 125183, г. Москва, ул. Б.Академическая, д.73. кор.1,
кв. 337

Телефон: 8(495) 629 43 69

E-mail: mazurik52@mail.ru